

The sun rose slowly, as if it wasn't sure it was worth all the effort.

Another Disc day dawned, but very gradually, and this is why.

When light encounters a strong magical field it loses all sense of urgency. It slows right down. And on the Disc-world the magic was embarrassingly strong, which meant that the soft yellow light of dawn flowed over the sleeping landscape like the caress of a gentle lover or, as some would have it, like golden syrup. It paused to fill up valleys. It piled up against mountain ranges. When it reached Cori Celesti, the ten mile spire of grey stone and green ice that marked the hub of the Disc and was the home of its gods, it built up in heaps until it finally crashed in a great lazy tsunami as silent as velvet, across the dark landscape beyond.

It was a sight to be seen on no other world.

Of course, no other world was carried through the starry infinity on the backs of four giant elephants, who were themselves perched on the shell of a giant turtle. His name — or Her name, according to another school of thought — was Great A'Tuin; he — or, as it might be, she — will not take a central role in what follows but it is vital to an understanding of the Disc that he — or she — is there, down below the mines and sea ooze and fake fossil bones put there by a Creator with nothing better to do than upset archaeologists and give them silly ideas.

Солнце поднималось медленно, словно не было уверено в том, что это стоит таких усилий.

Над Дисксом занимался еще один день. Разгорался он очень неторопливо, и вот почему.

Когда свет встречается с сильным магическим полем, он тут же теряет всякое представление о спешке и мгновенно замедляет скорость. А на Дисксе магия до неприличия сильна, из чего следует, что мягкий желтый утренний свет скользил по спящему пейзажу, будто прикосновение нежного любовника или, как выразились бы некоторые, словно золотистый сироп. Периодически он притормаживал, чтобы заполнить долины. Скапливался у горных хребтов. Достигнув Кори Челести, десятимильного шпилья из серого камня и зеленого льда, отмечающего Пуп Диска и служащего домом местным богам, свет начал громоздиться ввысь. И, наконец, обрушился гигантским, ленивым, бесшумным, как бархат, цунами на расстилающийся дальше темный ландшафт.

Подобного зрелища не увидишь больше нигде.

И это естественно, ведь другие миры не передвигаются по звездной бесконечности на спинах четырех исполинских слонов, которые стоят на панцире гигантской черепахи. Звали Ее — или, согласно другой школе философской мысли, Его — Великий А'Туин. Она — или, может статься, Он — не сыграет в последующих событиях важной роли, но для понимания Диска жизненно важно знать, что Она — или Он — находится там, внизу, под залежами руд, морским илом и фальшивыми ископаемыми костями, положенными туда

Great A'Tuin the star turtle, shell frosted with frozen methane, pitted with meteor craters, and scoured with asteroidal dust. Great A'Tuin, with eyes like ancient seas and a brain the size of a continent through which thoughts moved like little glittering glaciers. Great A'Tuin of the great slow sad flippers and star-polished carapace, labouring through the galactic night under the weight of the Disc. As large as worlds. As old as Time. As patient as a brick.

Actually, the philosophers have got it all wrong. Great A'Tuin is in fact having a great time.

Great A'Tuin is the only creature in the entire universe that knows exactly where it is going.

Of course, philosophers have debated for years about where Great A'Tuin might be going, and have often said how worried they are that they might never find out.

They're due to find out in about two months. And then they're really going to worry...

Something else that has long worried the more imaginative philosophers on the Disc is the question of Great A'Tuin's sex, and quite a lot of time and trouble has been spent in trying to establish it once and for all.

In fact, as the great dark shape drifts past like an endless tortoiseshell hairbrush, the results of the latest effort are just coming into view.

Tumbling past, totally out of control, is the bronze shell of the Potent Voyager, a sort of neolithic spaceship built and

Создателем, которому делать больше нечего, кроме как сбивать с толку археологов и внушать им дурацкие теории.

Звездная черепаха Великий А'Туин, чей панцирь покрыт коркой замерзшего метана, изрыт метеоритными кратерами и отшлифован астероидной пылью. Великий А'Туин, чьи глаза похожи на древние моря, а мозг размером с континент, по которому скользят маленькие сверкающие ледники-мысли. Великий А'Туин, обладатель огромных, медлительных ласт и отполированного звездами щитка, медленно, с трудом плывущий сквозь галактическую ночь и несущий на себе всю тяжесть Диска. Огромный, как миры. Древний, как Время. Безропотный, как кирпич.

Ну, вообще-то, тут философы заблуждаются. На самом деле Великий А'Туин оттягивается на полную катушку.

Великий А'Туин — это единственное существо во вселенной, которое абсолютно точно знает, куда оно направляется.

Конечно, философы уже много лет спорят о том, куда может направляться Великий А'Туин, и часто выказывают обеспокоенность тем, что они никогда этого не узнают.

Но им суждено узнать это месяца через два. И вот тогда они попляшут...

Тех философов, у кого фантазия была побогаче, волновал несколько иной вопрос: каков все-таки пол Великого А'Туина? Они затратили немало времени и трудов, пытаясь разрешить эту загадку раз и навсегда.

И вот сейчас, по мере того как огромный темный силуэт проплывает мимо, подобно бесконечной расческе из черепашьего панциря, мы можем наблюдать результаты последних деяний этих философов.

То, что, кувыркаясь, проносится рядом, — это вышедшая из-под контроля бронзовая оболочка «Могу-

pushed over the edge by the astronomer-priests of Krull, which is conveniently situated on the very rim of the world and proves, whatever people say, that there is such a thing as a free launch.

Inside the ship is Twoflower, the Disc's first tourist. He had recently spent some months exploring it and is now rapidly leaving it for reasons that are rather complicated but have to do with an attempt to escape from Krull.

This attempt has been one thousand per cent successful. But despite all the evidence that he may be the Disc's last tourist as well, he is enjoying the view.

Plunging along some two miles above him is Rincewind the wizard, in what on the Disc passes for a spacesuit. Picture it as a diving suit designed by men who have never seen the sea. Six months ago he was a perfectly ordinary failed wizard. Then he met Twoflower, was employed at an outrageous salary as his guide, and has spent most of the intervening time being shot at, terrorized, chased and hanging from high places with no hope of salvation or, as is now the case, dropping from high places.

He isn't looking at the view because his past life keeps flashing in front of his eyes and getting in the way. He is learning why it is that when you put on a spacesuit it is vitally important not to forget the helmet.

A lot more could be included now to explain why these two are dropping out of the world, and why Twoflower's

чего Вояжера», этакого космического корабля эпохи неолита, построенного и вытолкнутого в пространство жрецами-астрономами Крулла. Это королевство очень удобно расположилось на самом Краю света и недавно доказало, что такая штука, как космонавтика — в данном случае рептилионавтика, — существует даже на Плоском мире.

Внутри корабля находится Двацветок, первый турист Плоского мира. Недавно он провел несколько месяцев, путешествуя по Диску, а теперь стремительно покидает его по причинам, которые довольно-таки запутанны, но имеют некоторое отношение к попытке бегства из Крулла.

Эта попытка удалась на тысячу процентов.

Однако, несмотря на то что Двацветок вполне может стать первым и *последним* туристом Диска, он тем не менее всю наслаждается открывающимся видом.

Следом за ним, поотстав мили на две, падает волшебник Ринсвинд, облаченный в то, что на Диске считается скафандром. Скафандр этот чем-то напоминает водолазный костюм, созданный людьми, которые никогда не видели моря. Шесть месяцев назад Ринсвинд был совершенно обычным неудавшимся волшебником. Потом он встретил Двацветка, за совершенно возмутительную сумму денег стал его гидом, и с тех пор жизнь Ринсвинда круто изменилась. Он подвергался обстрелам, запугиваниям, преследованиям, висел без всякой надежды на спасение над всякими пропастями и — как, например, сейчас — падал с огромной высоты.

У него нет времени любоваться видами, потому что перед его глазами бесконечной вереницей проносится прошлая жизнь, которая заслоняет весь обзор. Он постепенно начинает понимать, почему, надев скафандр, так важно не забыть прихватить с собой шлем.

Много можно было бы добавить, чтобы объяснить, почему эта парочка покидает свой мир и почему

Luggage, last seen desperately trying to follow him on hundreds of little legs, is no ordinary suitcase, but such questions take time and could be more trouble than they are worth. For example, it is said that someone at a party once asked the famous philosopher Ly Tin Weedle ‘Why are you here?’ and the reply took three years.

What is far more important is an event happening way overhead, far above A’Tuin, the elephants and the rapidly-expiring wizard. The very fabric of time and space is about to be put through the wringer.

*

The air was greasy with the distinctive feel of magic, and acrid with the smoke of candles made of a black wax whose precise origin a wise man wouldn’t enquire about.

There was something very strange about this room deep in the cellars of Unseen University, the Disc’s premier college of magic. For one thing it seemed to have too many dimensions, not exactly visible, just hovering out of eyeshot. The walls were covered with occult symbols, and most of the floor was taken up by the Eightfold Seal of Stasis, generally agreed in magical circles to have all the stopping power of a well-aimed halfbrick.

The only furnishing in the room was a lectern of dark wood, carved into the shape of a bird — well, to be frank, into the shape of a winged thing it is probably best not to examine too closely — and on the lectern, fastened to it by a heavy chain covered in padlocks, was a book.

Двацветков Сундук, который в последний раз видели прыгнувшим вслед за хозяином, — это не совсем обычный предмет багажа. Однако подобные вопросы требуют времени, которое не стоит на них тратить. К примеру, однажды на одной вечеринке знаменитого философа Лай Тинь Видля спросили: «Почему вы здесь?» Ответ занял три года.

Что гораздо более важно, так это события, происходящие наверху, высоко над А’Туином, слонами и быстро теряющим кислород волшебником. Самая ткань пространства и времени вот-вот будет пропущена через мясорубку.

*

Воздух был характерно маслянистым на ощупь и едким. Здесь царила магия и дымили свечи из черного воска, о точном происхождении которого мудрый человек не станет спрашивать.

В этой комнатке, расположенной глубоко в подвалах Незримого Университета, ведущего магического учебного заведения Плоского мира, присутствовало нечто очень странное. Прежде всего, у нее было слишком много измерений, не то чтобы видимых, но бродящих где-то рядом, вне поля зрения. Стены были покрыты оккультными символами, а большую часть пола занимала Восьмикратная Печать Застоя. Эта печать, по общепризнанному в волшебных кругах мнению, обладала поразительной сдерживающей силой, которой может похвастаться лишь летящий прямо в цель кирпич.

Единственной мебелью в комнате была кафедра из темного дерева, вырезанная в форме птицы, — ладно, ладно, если честно, в форме некоего крылатого существа, к которому, впрочем, лучше не присматриваться. На этой кафедре, обмотанная тяжелой цепью с замками, лежала книга.

A large, but not particularly impressive, book. Other books in the University's libraries had covers inlaid with rare jewels and fascinating wood, or bound with dragon skin. This one was just a rather tatty leather. It looked the sort of book described in library catalogues as 'slightly foxed', although it would be more honest to admit that it looked as though it had been badgered, wolved and possibly beared as well.

Metal clasps held it shut. They weren't decorated, they were just very heavy — like the chain, which didn't so much attach the book to the lectern as tether it.

They looked like the work of someone who had a pretty definite aim in mind, and who had spent most of his life making training harnesses for elephants.

The air thickened and swirled. The pages of the book began to crinkle in a quite horrible, deliberate way, and blue light spilled out from between them. The silence of the room crowded in like a fist, slowly being clenched.

Half a dozen wizards in their nightshirts were taking turns to peer in through the little grille in the door. No wizard could sleep with this sort of thing going on — the build-up of raw magic was rising through the University like a tide.

'Right,' said a voice. 'What's going on? And why wasn't I summoned?'

Galder Weatherwax, Supreme Grand Conjuror of the Order of the Silver Star, Lord Imperial of the Sacred Staff, Eighth Level Ipsissimus and 304th Chancellor of Unseen University, wasn't simply an impressive sight even in his red nightshirt with the hand-embroidered mystic runes, even

Большая, но не особенно внушительная книга. У других книг в университетских библиотеках имеются переплеты, инкрустированные редкими камнями и восхитительным деревом или обтянутые драконьей шкурой. Однако этот фолиант был переплетен в довольно потрепанную кожу. С виду он походил на те книги, которые описываются в библиотечных каталогах как «слегка потрепанные», хотя честнее было бы признать, что его не только «трепали», но грызли, кусали и, возможно, драли когтями.

Металлические застёжки удерживали его в закрытом положении. Особенной красотой они похвастаться не могли, зато отличались прочностью — как и цепь, которая не столько прикрепляла фолиант к кафедре, сколько ограничивала его свободу.

Выглядели застёжки так, словно были сработаны человеком, преследовавшим конкретную цель и посвятившим бóльшую часть жизни изготовлению сбруй для слонов.

Воздух сгустился и пошел клубами. Страницы книги начали совершенно жутко, нарочито неспешно потрескивать, а потом из них выплеснулся наружу голубой свет. Тишина охватила комнату, словно медленно сжимающийся кулак.

Полдюжины облаченных в ночные рубашки волшебников по очереди заглядывали внутрь комнатки сквозь небольшую решетку в двери. Поспишь тут, когда вокруг творится такое — аккумулирующаяся сырая магия волной захлестнула Университет.

— Так, — раздался чей-то голос. — Что происходит? И почему не послали за мной?

Гальдер Ветровоск, Верховно-Великий Заклинатель Серебряной Звезды, Имперский Лорд Священного Посоха, Индивидуальнейший Восьмого Уровня и 304-й Аркканцлер Незримого Университета, даже в алой ночной рубашке с вышитыми вручную мисти-

in his long cap with the bobble on, even with the Wee Willie Winkie candlestick in his hand. He even managed to very nearly pull it off in fluffy pompom slippers as well.

Six frightened faces turned towards him.

‘Um, you were summoned, lord,’ said one of the under-wizards. ‘That’s why you’re here,’ he added helpfully.

‘I mean why wasn’t I summoned before?’ snapped Galder, pushing his way to the grille.

‘Um, before who, lord?’ said the wizard.

Galder glared at him, and ventured a quick glance through the grille.

The air in the room was now sparkling with tiny flashes as dust motes incinerated in the flow of raw magic. The Seal of Stasis was beginning to blister and curl up at the edges.

The book in question was called the Octavo and, quite obviously, it was no ordinary book.

There are of course many famous books of magic. Some may talk of the Necrotelicomnicon, with its pages made of ancient lizard skin; some may point to the Book of Going Forth Around Elevenish, written by a mysterious and rather lazy Llamaic sect; some may recall that the Bumper Fun Grimoire reputedly contains the one original joke left in the universe. But they are all mere pamphlets when compared with the Octavo, which the Creator of the Universe reputedly left behind — with characteristic absent-mindedness — shortly after completing his major work.

ческими рунами, даже в длинном колпаке с помпоном на конце, даже с подсвечником в стиле «Спи-моя-детка» в руке, представлял собой весьма внушительное зрелище. Ему совсем немножко не хватало, чтобы выглядеть импозантным даже в мохнатых шлепанцах в виде зайчиков.

К нему повернулись шесть перепуганных лиц.

— Э-э, но за тобой посылали, господин, — сказал один из волшебников уровнем пониже и услужливо добавил: — Именно поэтому ты здесь.

— Я имею в виду, почему за мной не послали раньше? — рявкнул Гальдер, проталкиваясь к решетке.

— Э-э, раньше чего, господин? — удивился волшебник.

Гальдер свирепо посмотрел на него и отважился бросить быстрый взгляд сквозь решетку.

Воздух в комнате искрился от крошечных вспышек — это частички пыли воспламенялись в потоке сырой магии. Печать Застоя начинала пузыриться и закручиваться по краям.

Кстати, книга, о которой идет речь, называлась Октаво. И надо отметить, что это была необыкновенная книга.

Существует множество знаменитых трудов в области магии. Кое-кто может упомянуть Некротеликом-никон, страницы которого сделаны из древней кожи ящериц; некоторые могут указать на «Книгу Священного Перехода, Что Вершится Около Двух», написанную таинственной и довольно ленивой сектой лламаистов; кто-то может припомнить, что «Гримуар Крутой Потехи» содержит единственную во вселенной оригинальную шутку. Но все они не более чем дешевые брошюры по сравнению с Октаво, книгой, которую Создатель Вселенной с характерной для него рассеянностью позабыл на Диске вскоре после окончания своей грандиозной работы.